Природа и Люди

Иллюстрированный популярно-научный журналъ для семейнаго чтенія.

№ 51 | Выходитъ еженедѣльно по четвергамъ | 21 ОКТЯБРЯ 1893 г. | Цѣна за годъ 5 руб. съ пер. ½ г.—2 р. 50 к. ¼ г.—1 р. 25 к. | № 51

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Стремянная, № 12.—Телефонъ редакціи № 1264.

Открыта подписка на 1894 годъ (подписной годъ съ 1 Ноября 1893 г.).

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . 4 руб. | Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россіи 5 руб. | Заграницу съ пересылкою . . . . 8 руб.

Въ годъ 52 №№ журнала «Природа и Люди» и 12 книгъ «Полезной библіотеки».

М. В. ЛОМОНОСОВЪ И ЕГО УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Очеркъ Е. Костко.

Имя Ломоносова—одно изъ тѣхъ именъ, которымъ вправѣ гордиться каждый русскій. Велики заслуги его на литературномъ и общественномъ поприщахъ, но еще значительнѣе онѣ въ области науки. Ломоносовъ—поэтъ всегда уступалъ Ломоносову—ученому. Съ юныхъ лѣтъ жажда знанія была его сильнѣйшей страстью. Повинуясь ей, онъ оставилъ родительскій домъ и ночью, съ нѣсколькими копѣйками въ карманѣ, пошелъ въ Москву, въ тотъ благословенный городъ, гдѣ, по словамъ его перваго учителя, дьячка Ивана Шубнаго, «можно было научиться всѣмъ наукамъ».

Всѣмъ, думаемъ, извѣстна богатая приключеніями, но полная труда и лишеній жизнь Михаила Васильевича. Чтобы не удлиннять нашего очерка, мы не будемъ останавливаться на ней, а прямо перейдемъ къ тому періоду, когда Ломоносовъ, возвратившись изъ-за границы, появился въ Академіи Наукъ въ Петербургѣ.

Это было въ 1741 году, когда онъ былъ назначенъ адъюнктомъ Академіи. Съ этой-то поры и начинается ученая дѣятельность нашего писателя, снискавшая ему громкую славу не только въ Россіи, но и заграницей.

Едва Ломоносовъ вступилъ въ свою новую должность, какъ сталъ ходатайствовать объ устройствѣ химической лабораторіи, которой до тѣхъ поръ не было при Академіи Наукъ. Пока же тянулось дѣло, онъ занялся составленіемъ «Первыхъ основаній металлургіи или рудныхъ дѣлъ», перевелъ нѣсколько статей съ нѣмецкаго, написалъ цѣлый рядъ диссертацій, которыя были напечатаны въ «Академическихъ Комментаріяхъ» и заслужили одобрительный отзывъ академика Эйлера, и издалъ переведенную имъ «Экспериментальную физику» профессора Вольфа.

Это былъ образцовый переводъ, заслужившій громкую извѣстность и имѣвшій всюду

большой успѣхъ. Въ началѣ книги Ломоносовъ помѣстилъ отъ себя предисловіе, въ которомъ ясно и толково говоритъ объ успѣхахъ наукъ въ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Переводъ былъ написанъ прекраснымъ языкомъ, свойственнымъ всѣмъ произведеніямъ Михаила Васильевича, и изобиловалъ множествомъ введенныхъ имъ новыхъ научныхъ терминовъ, которыми до сихъ поръ продолжаютъ пользоваться ученые.

Вскорѣ послѣ этого были напечатаны въ «Новыхъ Комментаріяхъ» четыре его сочиненія: «Опытъ теоріи объ упругости воздуха», «Дополненія къ размышленію объ упругости воздуха», «Разсужденіе о дѣйствіи химическихъ растворяющихъ средствъ» и «О движеніи воздуха въ рудникахъ».

Эти диссертаціи Ломоносовъ представилъ на судъ академическаго собранія. Президентъ собранія, Шумахеръ, отослалъ ихъ для отзыва къ знаменитому ученому—Эйлеру, въ душѣ надѣясь, что послѣдній не одобритъ ихъ. Но ожиданія его не сбылись. Эйлеръ не замедлилъ прислать о нихъ слѣдующій отзывъ: «Всѣ сіи диссертаціи не только хороши, но и весьма превосходны, ибо Ломоносовъ пишетъ о матеріяхъ химическихъ и физическихъ весьма нужныхъ, которыхъ понынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди».

Послѣ такого отзыва нашему ученому предложили занять каѳедру химіи и утвердили его въ званіи профессора.

Для помѣщенія его съ пріѣхавшей къ нему женой и съ ребенкомъ былъ отведенъ весь тотъ домъ, въ которомъ, будучи адъюнктомъ, онъ занималъ двѣ каморки и терпѣлъ страшную нужду вслѣдствіе неаккуратно выдаваемаго жалованья.

На дворѣ этого дома было отгорожено мѣсто для лабораторіи, объ устройствѣ которой Ломоносовъ не переставалъ хлопотать. Вскорѣ была выдана нужная сумма на постройку, и къ октябрю 1748 года зданіе, строившееся подъ личнымъ распоряженіемъ Михаила Васильевича, было готово. Такимъ образомъ была основана первая лабораторія въ Россіи, на устройство которой нашъ ученый не жалѣлъ ни труда, ни здоровья.

Этотъ годъ былъ удаченъ для него и въ литературномъ отношеніи: онъ издалъ свою «Риторику», первую риторику на русскомъ языкѣ. Эта книга надѣлала много шума и вызвала восторгъ современниковъ. Кромѣ того онъ написалъ оду «На восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны», за которую Государыня пожаловала ему двѣ тысячи рублей.

Дѣла у него было вообще погорло. Онъ редактировалъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», писалъ отзывы обо всѣхъ литературныхъ и ученыхъ сочиненіяхъ, выходящихъ въ свѣтъ, давалъ студентамъ приватные уроки «о россійскомъ стихотворствѣ» и читалъ имъ лекціи по физической географіи, химіи, исторіи и естественнымъ наукамъ. Далѣе, услышавъ отъ Шувалова, что Государыня желала-бы видѣть исторію Россіи, написанную его слогомъ, онъ начинаетъ заготовлять матеріалы для исторіи и приступаетъ къ писанію ея.

Какъ цѣльная, здоровая натура, Ломоносовъ не ограничивался одними кабинетными занятіями и часто переносилъ трудъ свой изъ сферы теоретической въ сферу чисто практическую. Онъ изобрѣталъ новые физическіе инструменты, приготовлялъ фейерверки, производилъ опыты крашенія стеколъ, для чего составилъ «Новую теорію о цвѣтахъ», и, наконецъ, занялся мозаикой.

Поводомъ къ послѣднему занятію послужило то обстоятельство, что какъ-то разъ, въ гостяхъ у графа Воронцова, Ломоносовъ увидѣлъ картину, изображающую плачущаго апостола Петра; картина эта была сдѣлана изъ цвѣтныхъ стеколъ и камешковъ и такъ понравилась ему, что онъ тутъ же рѣшилъ самъ сдѣлать такую же картину изъ имѣющихся у него цвѣтныхъ стеколъ. Первый опытъ вышелъ удачно. Ломоносовъ представилъ его своимъ друзьямъ-покровителямъ, Шувалову и Воронцову, а тѣ — Государынѣ. Елисаветѣ Петровнѣ такъ понравилась работа нашего ученаго, что она дала ему денежное пособіе для заведенія мозаичной фабрики и пожаловала для устройства таковой село Ополье, Копорскаго уѣзда, со всѣми угодьями и лѣсомъ, которые послѣ смерти Ломоносова должны были перейти въ неотъемлемое владѣніе къ его потомству. Самыми замѣчательными работами на этой фабрикѣ были: портретъ Петра Великаго и картина, изображавшая Полтавскій бой.

Вскорѣ послѣ открытія фабрики Ломоносовъ написалъ свое замѣчательное стихотвореніе «О пользѣ стекла». Говорятъ, что оно было написано по слѣдующему поводу.

На обѣдѣ у Шувалова одинъ вельможа, увидѣвъ на кафтанѣ нашего ученаго стеклянныя пуговицы, замѣтилъ ему, что послѣднія больше не въ модѣ.

— Я ношу ихъ не для моды, а изъ уваженія къ стеклу!— отвѣтилъ Ломоносовъ и сталъ горячо доказывать, какую громадную пользу приноситъ стекло въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествахъ и наукахъ. Онъ говорилъ такъ увлекательно, что вельможа былъ очарованъ и просилъ его изложить все это въ стихахъ...

Вскорѣ послѣ этого, въ 1753 г., Ломоносовъ написалъ самую замѣчательную изъ своихъ ученыхъ работъ — «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ». Онъ началъ заниматься этимъ вопросомъ еще въ 1752 г., когда въ Петербургъ только что дошли извѣстія объ открытіи Франклиномъ воздушнаго электричества. Вмѣстѣ со своимъ другомъ, профессоромъ Рихманомъ, Ломоносовъ произвелъ цѣлый рядъ новыхъ опытовъ, которыми онъ воспользовался для составленія новой теоріи, объясняющей воздушныя электрическія явленія.

Оба ученыхъ намѣревались познакомить общество со своими трудами на публичномъ актѣ 1753 г. Но, вслѣдствіе роковой случайности, во время производства одного изъ опытовъ Рихмана убило громомъ... Какъ остался живъ Ломоносовъ, онъ и самъ не могъ этого понять, потому что онъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и пораженный товарищъ.

Удрученный смертью друга, Ломоносовъ больше всего боялся, чтобы смерть Рихмана не была истолковано въ русскомъ обществѣ, какъ убѣдительное свидѣтельство вреда отъ наукъ въ Россіи. Въ письмѣ къ Шувалову онъ положительно умолялъ его обезпечить несчастную вдову ученаго, чтобы она могла воспитать и обучить сына своего.

Послѣ многихъ препятствій, Ломоносову удалось прочесть свое «Слово» на публичномъ актѣ. Но академики-нѣмцы отнеслись къ нему скептически, и Шумахеръ послалъ это сочиненіе Эйлеру, Гензіусу и Крафту, почетнымъ членамъ Академіи, прося ихъ дать о немъ свой отзывъ.

Эйлеръ прислалъ восторженное письмо, въ которомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говоритъ о геніальныхъ способностяхъ нашего ученаго. Два другіе профессора, въ угоду Шумахеру, ненавидѣвшему Ломоносова, дали объ его сочиненіи очень незначительный отзывъ. Тѣмъ не менѣе «Слово о

явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ» представляетъ настолько геніальный и глубокій трудъ, что даетъ намъ право поставить имя Ломоносова рядомъ съ именемъ знаменитаго Франклина.

Вотъ что говорятъ профессора Любимовъ и Спасскій по поводу этого сочиненія:

— «Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ писемъ Франклина, которыя попались ему подъ руку лишь тогда, когда большая часть «Слова объ электричествѣ» была уже готова».

Со свойственной ему воспріимчивостью Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета, и составилъ теорію, которая превышала всѣ современные ему понятія о воздушномъ электричествѣ... Онъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы и объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго, холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атмосферы, гдѣ оно свѣтится, какъ въ пространствѣ, въ которомъ разреженъ воздухъ...

Теорія сѣвернаго сіянія Ломоносова составлена независимо отъ подобной-же теоріи Франклина.. Хвосты кометъ и зодіакальный свѣтъ Ломоносовъ относитъ также къ электрическимъ явленіямъ; въ его эпоху многіе ученые имѣли такой взглядъ, но ихъ объясненія стоятъ несравненно ниже объясненій Ломоносова. Въ наукѣ приписывается обыкновенно Соссюру вся честь объясненія важности восходящихъ потоковъ воздуха въ метеорологическихъ явленіяхъ, а между тѣмъ Ломоносовъ еще прежде Соссюра указалъ въ своей теоріи на значеніе этихъ потоковъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ИСТОРІЯ МОДЫ.

Очеркъ Н. Маслова.

Изо-дня въ день во всѣхъ органахъ печати появляются горячіе протесты противъ тиранніи моды, этого современнаго Молоха, въ жертву которому прекрасныя представительницы человѣческаго рода приносятъ и свое здоровье, и содержимое кармановъ своихъ мужей и отцовъ. Отъ платоническихъ ламентацій до дѣла, однако, еще далеко, и мода продолжаетъ царить во всѣхъ уголкахъ цивилизованныхъ странъ. На той же выставкѣ въ Чикаго, гдѣ женскій конгрессъ объявилъ себя непримиримымъ врагомъ моды и выработалъ образцы реформеннаго женскаго платья, — мы находимъ неизмѣримо болѣе образцовъ самыхъ экстравагантныхъ, самыхъ сумасбродныхъ модъ, предъ которыми совершенно стушевываются скромныя попытки желающихъ низвергнуть тираннію моды. Но особенно рельефно изображаетъ торжество моды, ея господство надъ міромъ великолѣпная коллекція, посвященная исторіи моды и выставленная во французскомъ отдѣлѣ.

ИСТОРІЯ МОДЫ ВЪ ЛИЦАХЪ.
(Коллекція манекеновъ на выставкѣ въ Чикаго).

Коллекція эта состоитъ изъ артистически сдѣланныхъ куколъ, изображающихъ различныхъ выдающихся женщинъ французской исторіи, причемъ каждая изъ нихъ одѣта въ костюмъ своей эпохи. Подлѣ св. Клотильды и королевы Фредегонды, одѣтыхъ въ простые костюмы галло-римскаго образца (рис. 1 и 2), мы находимъ средневѣковыхъ дамъ (рис. 3), съ ихъ оригинальными головными уборами. Собственно платья, во всю эпоху среднихъ вѣковъ, отличаются еще простотою и неизмѣняемостью фасона, но съ эпохи Возрожденія мода рѣшительно вступаетъ въ свои права: появляются золотыя ткани, драгоцѣнности, бархатъ и шелкъ, а покрой платья, прежде остававшійся одинаковымъ втеченіи цѣлыхъ вѣковъ, начинаетъ

мѣняться чуть не каждый годъ (рис. 4, 5 и 6). Въ эпоху Генриха IV и его преемниковъ господство моды достигаетъ своего апогея: появляются громадные шлейфы (рис. 8 и 10), прически принимаютъ характеръ настоящихъ башенъ, золото и драгоцѣнности начинаютъ играть въ костюмѣ такую роль, что нерѣдко одно платье стоитъ цѣлаго состоянія. Суровый приказъ Ришелье лишь на очень короткое время уменьшилъ безумную роскошь и затѣйливость дамскихъ костюмовъ: при Людовикахъ XV и XVI моды сдѣлались еще сумасброднѣе, костюмы дамъ еще роскошнѣе, и громадную роль начали играть головные уборы (рис. 15), тогда какъ прежде считали возможнымъ обходиться одною прическою. Французская революція произвела рѣзкій переворотъ не только въ политическомъ строѣ страны, но и въ модахъ: въ обществѣ проявилось стремленіе къ простотѣ, и на сцену выступили древне-римскія платья въ видѣ длинныхъ туникъ, почти безъ всякихъ украшеній. Но это длилось очень недолго,—уже въ костюмахъ наполеоновской эпохи (рис. 17 и 18) замѣчается стремленіе къ украшеніямъ, а съ Реставраціею Бурбоновъ наступаетъ снова господство моды. Появляются неизмѣримые кринолины и громадныя шляпы съ лентами (рис. 19, 20 и 21), господствующіе, съ разными измѣненіями, втеченіи всей первой половины нашего вѣка. Во второй половинѣ кринолинъ сходитъ со сцены, но взамѣнъ его появляется турнюръ (рис. 22), въ свою очередь достигающій колоссальныхъ размѣровъ. Наконецъ въ наше время входятъ въ моду длинные шлейфы и вздутые рукава (рис. 23 и 24). Корсетъ, само собою разумѣется, безраздѣльно царитъ втеченіи всего новѣйшаго времени...

Помимо историческаго значенія эта коллекція, на нашъ взглядъ, крайне поучительна еще и въ другомъ отношеніи: разсматривая всѣ эти костюмы, мы не находимъ ни одного, который-бы хоть немного удовлетворялъ требованіямъ не только гигіены, но и простаго удобства. Очевидно, мода всегда была враждебна не только карману, но и здоровью. Нѣтъ никакого основанія думать, что она и впредь измѣнится въ этомъ отношеніи, и потому каждый благоразумный человѣкъ не можетъ не сочувствовать проявляющемуся теперь стремленію сбросить тираннію моды, въ интересахъ здоровья, удобства и благосостоянія семьи.

НЕФТЯНЫЕ ИСТОЧНИКИ БЛИЗЪ БАКУ.

Н. Бѣлаго.

Восточный Кавказъ,—тамъ, гдѣ главный хребетъ, вдаваясь своими отрогами въ бирюзовыя воды Каспійскаго моря, образуетъ такъ называемый Апшеронскій полуостровъ,—представляетъ одну, безъ сомнѣнія, изъ самыхъ замѣчательныхъ, мѣстностей на всемъ земномъ шарѣ. Правда, здѣсь не видно ни роскошныхъ картинъ тропической природы Закавказья, ни полныхъ суроваго величія и дикой прелести горныхъ ландшафтовъ. Природа здѣсь бѣдна и однообразна. Тощая сѣрожелтая почва кажется совершенно голой, и только вблизи убѣждаешься, что кое-гдѣ растутъ чахлыя низкорослыя травы, а если мѣстами и попадаются рѣдкія деревья, то ихъ насадила заботливая рука человѣка. Неслышно здѣсь ни веселаго крика птичекъ, ни жужжанія насѣкомыхъ. Рѣдко-рѣдко натолкнешься на ящерицу или кузнечика. Безжизненность ландшафта увеличивается еще бѣлымъ налетомъ соли, которымъ, словно снѣжною пеленою, подернута вся земля...

Несмотря, однако, на такую бѣдность природы, эта мѣстность принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ. Но богатства ея не на землѣ, а подъ землею; они скрыты тамъ въ нѣдрахъ и только временами вырываются оттуда, въ видѣ горючей зеленовато-бурой жидкости, которую зовутъ нефтью. Нефть, та нефть, изъ которой приготовляютъ столь распространенный керосинъ и которая двигаетъ теперь массы паровыхъ машинъ,— составляетъ главное богатство Апшеронскаго полуострова.

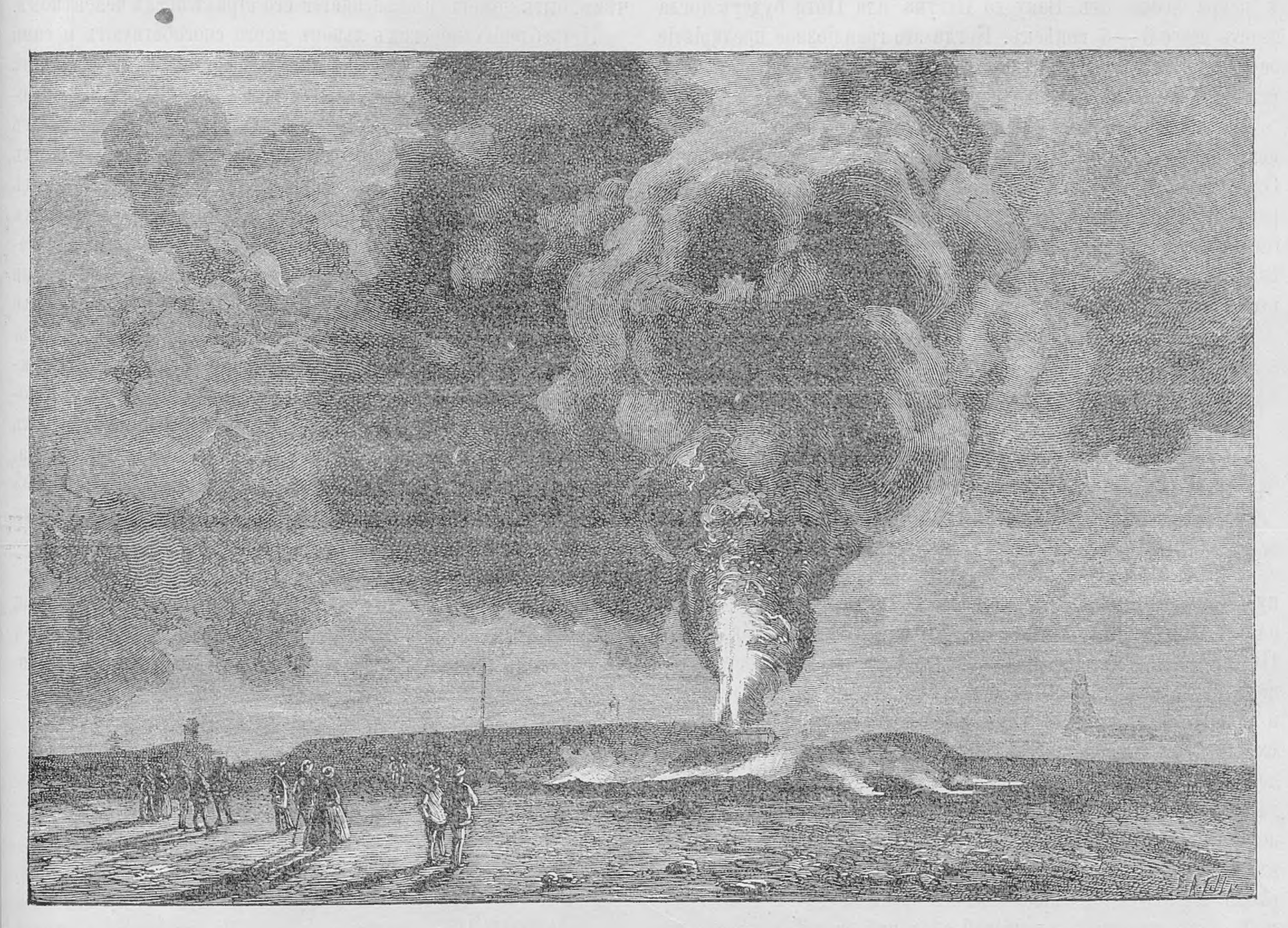
На Кавказѣ во многихъ мѣстахъ, по склонамъ и отрогамъ горъ, скрыты большіе запасы горнаго масла, какъ иначе называютъ нефть. Нефтяные источники найдены къ югу отъ Баку близь Сальянъ, на рѣкѣ Альзани (Царскіе Колодцы), близъ Поти, на полуостровѣ Тамани, въ области Кубани и Терека. Но нѣтъ мѣста болѣе богатаго нефтью, какъ Апшеронъ, и именно мѣстность, лежащая верстахъ въ 10—12 къ сѣверу отъ Баку и извѣстная подъ именемъ Балаханъ. Здѣсь добывали нефть съ незапамятныхъ временъ, но только лѣтъ двадцать тому назадъ, когда правительство ввело полную свободу эксплоатаціи нефти, нефтяная промышленность достигла широкаго развитія, и наша нефть стала съ успѣхомъ конкуррировать на рынкахъ съ американской.

Теперь на небольшой, сравнительно, Балаханской площади (300 дес.) дѣйствуетъ до 400 колодцевъ, изъ которыхъ ежегодно добываютъ сотни милліоновъ пудовъ горючаго вещества. Понятно, какая страшная опасность грозитъ всѣмъ здѣшнимъ жителямъ, въ случаѣ воспламененія этой массы! Поэтому здѣсь почти не знаютъ употребленія огня: у всѣхъ въ памяти страшный пожаръ Питтсбурга, главнаго центра нефтяной промышленности Соединенныхъ Штатовъ. Однако, несмотря на всѣ предосторожности, пожары случаются все-таки. Ихъ стараются возможно скорѣе локализировать, хотя иногда огонь, потушенный снаружи, продолжаетъ долго тлѣть еще въ глубинѣ земли!..

Нефть добываютъ, какъ извѣстно, или изъ колодцевъ, глубиною отъ одной сажени до 40 и даже до 50 саженъ, или изъ фонтановъ, образующихся при буреніи. Причиною фонтаннаго изверженія считаютъ то давленіе, которое жидкость испытываетъ отъ напора подземныхъ газовъ. Обыкновенно, когда буравъ достигаетъ нефтянаго слоя чрезъ слои песку и мергеля, лежащіе выше его, то изъ скважины слышится страшный шумъ. Услышавъ его, всѣ рабочіе спѣшатъ убраться подальше, потому что вслѣдъ затѣмъ изъ земли вылетаетъ нефтяной фонтанъ, иногда до 60 саженъ вышины. Сила его такъ велика, что буровые инструменты, въ нѣсколько десятковъ пудовъ, какъ перышки выбрасываются изъ отверстія. Масса нефти, выходящей при этомъ, доходитъ въ небольшихъ фонтанахъ до 60,000, а въ большихъ до 500,000 пудовъ въ сутки! Понятно, нефтевладѣльцы стараются всѣми мѣрами, чтобы драгоцѣнное вещество не утекало напрасно. Съ этою цѣлью существуетъ множество приспособленій, задерживающихъ нефтяные фонтаны. Но изверженія происходятъ иногда такъ неожиданно, что всѣ мѣры предосторожности пропадаютъ.

Одинъ фонтанъ, принадлежавшій товариществу Халафи, долгое время, около 3 мѣсяцевъ, извергалъ нефть небольшою струею, едва въ 1 сажень высоты. Вдругъ, въ іюлѣ 1873 г., онъ совершенно неожиданно забилъ безпрерывно, выбрасывая громадныя массы нефти. Не ожидавшіе такого дѣйствія владѣльцы

фонтана не имѣли подъ руками ни средствъ остановить струю, ни вмѣстилищъ, куда-бы можно отвести ее. И масса нефти потекла вонъ, наполнила сосѣднія котловины, залила поля, образовала даже цѣлые ручьи и озера, гдѣ плавали лодки. Тщетно и казенная администрація, и частные владѣльцы пытались удержать этотъ громадный потокъ, пробовали заколотить отверстіе фонтана кольями, вставляли трубы, краны,—ничего не помогало: подъ напоромъ подземныхъ газовъ нефть нашла себѣ новые выходы, а вставленный въ трубу кранъ былъ пропиленъ насквозь тонкимъ ключевымъ пескомъ, извергаемымъ изъ земли потокомъ нефти. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль, пока, наконецъ,

ПОЖАРЪ НЕФТЯНАГО ИСТОЧНИКА.

не справились съ фонтаномъ. Но все-таки громадное количество драгоцѣннаго вещества,—какъ считаютъ, до 13 милліоновъ пудовъ,—пропало безъ пользы; успѣли извлечь только нѣкоторую пользу изъ той нефти, которую могли задержать плотиною и которая образовала два порядочныя озера, въ одну или двѣ десятины пространствомъ. Но эта нефть, предоставленная свободному испаренію, потеряла значительную долю своихъ летучихъ составныхъ частей и на выдѣлку керосина уже не годилась. Пришлось продать ее на освѣщеніе въ сыромъ видѣ, по ½—1 коп. за пудъ!

Еще болѣе поразительное явленіе имѣло мѣсто 1887 г., когда открылся одинъ фонтанъ, дававшій до 40,000 ведеръ нефти въ часъ и достигавшій высоты 70—80 саженъ! Не было никакой возможности остановить эту рѣку, дававшую впродолженіи 8 сутокъ по 900,000 ведеръ въ сутки! Вмѣстѣ съ нефтью была выброшена масса песку, который, будучи относимъ вѣтромъ, покрылъ всѣ дома Баку, хотя городъ отстоялъ отъ фонтана не менѣе 6 верстъ! Полагаютъ, что до 5 милліоновъ нефти было потеряно! Во время этого наводненія цѣна сырой нефти упала до ½ коп. за ведро!

Во избѣжаніе такихъ громадныхъ потерь, въ Балаханахъ теперь заранѣе приготовлены громадныя вмѣстилища, вмѣстимостью до 200,000 пудовъ. Отсюда, по особымъ каналамъ, нефть идетъ въ Баку, на разстояніи 8 верстъ, гдѣ и подвергается обработкѣ. Хорошая нефть даетъ до 33% керосину, остальное составляютъ такъ называемые нефтяные остатки, которые идутъ теперь на отопленіе фабрикъ, заводовъ и пароходовъ. Сбытъ нефти для этой цѣли такъ хорошъ, что многіе нефтевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ для себя цѣликомъ продавать свою нефть, въ видѣ остатковъ, чѣмъ переработывать ее въ керосинъ.

Въ качествѣ матеріала для отопленія нефть вошла-бы въ еще большее употребленіе, если-бы удешевить перевозку ее въ европейскія страны. Въ настоящее время сравнительно дешевъ провозъ ее лишь по Каспійскому морю и Волгѣ съ ея притоками, гдѣ она идетъ въ наливныхъ баржахъ, благодаря чему у насъ и дешевъ керосинъ. Но одинъ русскій рынокъ слишкомъ незначителенъ для всей массы кавказской нефти. Оттого обиліе нефти часто приноситъ владѣльцамъ источниковъ, вмѣсто прибыли, одни убытки и даже полное раззореніе, такъ какъ роняетъ

цѣну товара до невозможнаго mimimuma. Единственное средство спасти нашу нефтяную промышленность,—это открыть ей возможно широкій доступъ на европейскіе рынки. Для этого, чтобы избѣжать дорогой перевозки по Закавказской желѣзной дорогѣ, думаютъ провести въ Батумъ огромный нефтепроводъ, который-бы прямо доставлялъ нефть съ береговъ Каспійскаго моря на берега Чернаго. Предполагаютъ, что этотъ нефтепроводъ, длиною до 600 верстъ, долженъ быть такихъ размѣровъ, чтобы каждый годъ, втеченіи 4 мѣсяцевъ, могъ переводить 50—60 милл. ведеръ нефти. Постройка такого провода обойдется, говорятъ, въ 30 милліоновъ рублей. Но за то провозъ 1 ведра нефти отъ Баку до Батума или Поти будетъ тогда стоить всего 6—7 копѣекъ. Когда это грандіозное предпріятіе осуществится, наша нефть можетъ совсѣмъ вытѣснить съ европейскихъ рынковъ американскую нефть!

Въ заключеніе два слова о происхожденіи нефти. Происхожденіе нефти до сихъ поръ еще не выяснено окончательно. Одни геологи предполагаютъ, что нефть является продуктомъ разложенія животныхъ и растеній, населявшихъ берега первобытнаго моря. Эта гипотеза опирается на присутствіе соленой воды и соли въ нефтяныхъ источникахъ. Другіе приписываютъ нефти вулканическое происхожденіе.

МОРСКОЙ ЛЕВЪ.

Очеркъ Т. Богданова.

Левъ! При одномъ этомъ имени мы невольно представляемъ себѣ мощную фигуру «царя пустыни», украшенную пышною шевелюрою, его гордую, величественную осанку и грозный взглядъ огненныхъ глазъ. Напрасно, однако же, было-бы искать того же самаго у морскаго льва. Ни по внѣшнему виду, ни по характеру, ни по голосу, наконецъ, онъ ничѣмъ не оправдываетъ своего славнаго имени, и только развѣ жалкая грива нѣсколько напоминаетъ объ его сходствѣ съ царственнымъ звѣремъ. Въ общемъ же морской левъ—обыкновенный тюлень, съ длиннымъ, волочащимся на ластахъ, тяжелымъ тѣломъ желто-бураго цвѣта и круглой, похожею слегка на кошачью, головой. Что еще замѣчательно въ немъ, такъ это глаза: большіе, изумрудно-зеленые, они рѣзко выдаются на ярко-бѣломъ фонѣ бѣлка и при красной, какъ киноварь, слизистой оболочкѣ своихъ внутреннихъ угловъ придаютъ физіономіи звѣря отталкивающій и вмѣстѣ свирѣпый видъ. Подумаешь, что предъ тобою грозное чудовище, не дающее спуску ни встрѣчному, ни поперечному. Но эта свирѣпая наружность ничуть не соотвѣтствуетъ характеру звѣря. Несмотря на свою силу, морской левъ—довольно трусливое животное и при встрѣчѣ съ врагомъ старается первымъ долгомъ поскорѣе убѣжать. Къ человѣку же онъ чувствуетъ какой-то паническій ужасъ. Достаточно посильнѣе крикнуть, и онъ уже трясется отъ страха.

Однако, нельзя сказать, чтобы онъ не выказывалъ никогда храбрости. Нѣтъ, наряду со страшною трусостью, характеръ морскаго льва иногда отличается крайнею отвагою,—именно, когда онъ видитъ, что всякое отступленіе отрѣзано. Тогда онъ какъ-то внезапно вдохновляется храбростью, переходитъ въ наступленіе и съ глухимъ, яростнымъ мычаніемъ лѣзетъ прямо напроломъ. Въ эти минуты, когда бѣшеный ревъ его оглашаетъ безмолвные льды, когда самый океанъ какъ-будто содрогается отъ страшныхъ ударовъ его мощныхъ ластовъ,— морской левъ выглядитъ очень величественнымъ и, пожалуй, напоминаетъ «царя звѣрей».

Зная такой характеръ звѣря, охотники рѣдко нападаютъ на него въ открытомъ морѣ, гдѣ онъ легко опрокидываетъ большія лодки, а стараются напасть на него врасплохъ, во время сна, да и тутъ, если нѣтъ ружей, то предпочитаютъ стрѣлять отравленными стрѣлами. Понятно, для охотниковъ, вооруженныхъ ружьями, морской левъ далеко не такъ страшенъ, и такъ какъ онъ даетъ очень вкусное мясо, то истребляется во множествѣ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется его страхъ предъ человѣкомъ.

Истребленію морскихъ львовъ много способствуютъ и сами животныя. Одна изъ несимпатичныхъ чертъ ихъ—слабость материнской любви. Ни отецъ, ни мать, повидимому, не заботятся о дѣтенышахъ. «Я самъ видалъ, — разсказываетъ одинъ наблюдатель (Штеллеръ),—какъ самка душила своихъ спящихъ дѣтей. Морскіе львы равнодушно смотрятъ, если предъ ихъ глазами рѣжутъ ихъ собственныхъ дѣтей и бросаютъ ихъ внутренности». Львята—очень неповоротливы и вялы. По вечерамъ, когда матери уходятъ съ ними въ открытое море, они скоро устаютъ и съ жалобнымъ крикомъ, похожимъ на блеянье барановъ, стараются тогда залѣзть на спину матери—отдохнуть. Но та хладнокровно сбрасываетъ ихъ въ воду, не обращая вниманія, потонутъ-ли они, или уцѣлѣютъ. Только чрезъ нѣкоторое время, и то съ видимой неохотой, мать принимаетъ къ себѣ на спину усталыхъ дѣтенышей. Нѣжныя дѣти не остаются, впрочемъ, въ долгу предъ своими родителями и при первой возможности стараются покинуть ихъ, а разъ покинули, они прекращаютъ всѣ счеты съ ними: морскіе львы не любятъ общества, а предпочитаютъ вести замкнутую жизнь.

Что касается до мѣстопребыванія морскихъ львовъ, то они водятся какъ въ сѣверномъ полушаріи—на сѣверѣ Японіи и Калифорніи, такъ и въ южномъ—къ югу отъ Америки и Австраліи.

ТАЛАНТЪ.

Повѣсть А. Зарина.

VIII.

Наконецъ, сеансъ начался. Въ угольной гостиной зажгли лампу, спустили фитиль и прикрыли лампу густымъ абажуромъ, такъ что комната была едва освѣщена, и углы и стѣны ея совершенно тонули во мракѣ.

Слоева, послѣ нѣсколькихъ отказовъ, сѣла въ глубокое кресло. Передъ занавѣскою полукругомъ усѣлись Женя, Терновъ и Глотовъ, и только Чибисовъ всталъ изъ полукруга навремя, чтобы усыпить Слоеву.

Онъ торжественно подошелъ къ ней и взялъ ее за обѣ руки. Потомъ онъ устремилъ на нее пристальный взглядъ и нѣсколько разъ повторилъ: «Усните!» Послѣ этого онъ опустилъ руки Слоевой и осторожно, медленно отошелъ къ своему мѣсту, между Глотовымъ и Терновымъ, гдѣ опустился на стулъ.

Слоева притворилась спящей. Она откинула голову на спинку кресла, закрыла глаза, полуоткрыла ротъ и безсильно свѣсила свои руки. Въ этой позѣ она казалась уснувшей глубокимъ сномъ послѣ крайняго утомленія.

МОРСКОЙ ЛЕВЪ.

(Рисунокъ Ф. Шпехта.)

— Какая сила!—восторженно прошепталъ Глотовъ.— Она совершенно подчинена вамъ, генералъ!

Чибисовъ самодовольно улыбнулся.

— Задерните занавѣску!—шепнулъ онъ Глотову...

— Ну, будь теперь внимательнѣе!—обратился онъ къ Тернову, когда тяжелый коверъ медленно задвинулъ собою Слоеву.

Глотовъ вернулся на мѣсто. Чибисовъ положилъ руки на колѣна и впился нетерпѣливымъ взоромъ въ коверъ. Терновъ весь обратился въ слухъ и зрѣніе, желая вполнѣ насладиться неожиданнымъ эффектомъ, и одна только Женя сидѣла совершенно равнодушная ко всему происходящему.

За занавѣской послышался шорохъ.

Чибисовъ и Глотовъ встрепенулись.

— Пойте, всѣ пойте, хоромъ!—послышался изъ-за ковра слабый голосъ Слоевой.

Глотовъ выпрямился и затянулъ густымъ голосомъ:

— Я вечеръ въ лугахъ...

Чибисовъ обернулся къ Тернову:

— Пой, пой и ты!—и сталъ подтягивать Глотову...

— Въ лугахъ гуля—ла
И—и грусть хотѣла разог—нать...

подхватилъ и Терновъ, едва сдерживаясь отъ задорнаго мальчишескаго смѣха.

«Вотъ-бы доктора сюда», мелькало въ его умѣ, и, бросая лукавые взоры на Женю, онъ продолжалъ пѣть, составляя тріо:

— И—и цвѣточки тамъ сбирала
Чтобы милому отдать...

Вдругъ въ комнатѣ пронесся легкій шумъ, какъ-бы шуршаніе, и что-то длинное щелкнуло по полу. «Первый номеръ—провалъ, веревка хлопнулась»,—подумалъ Терновъ:—«теперь—второй!»... И не успѣлъ онъ окончить своей мысли, какъ сверху съ грохотомъ полетѣли на полъ цимбалы, и съ дребезжащимъ звономъ разбились ихъ стеклянныя клавиши. Всѣ вскочили, какъ ужаленные. Глотовъ поблѣднѣлъ и растерянно смотрѣлъ на Тернова; Терновъ широко и весело улыбался, а Чибисовъ бросился сломя голову къ упавшимъ сверху цимбаламъ.

Въ это время съ шумомъ откинулся коверъ, и изъ-за него, вся дрожа отъ злости, выступила Слоева.

— Я не могу сегодня!—воскликнула она:—я совершенно разстроена!—и, подойдя къ стулу, она опустилась на него, бросивъ злобный взглядъ на Тернова.

Глотовъ догадался.

— Это чья-нибудь гнусная шутка!—проговорилъ онъ.

Терновъ вспыхнулъ, принявъ его слова на свой счетъ, и уже готовился отвѣтить, когда къ нимъ подбѣжалъ дрожащій, блѣдный, взволнованный Чибисовъ.

— Напротивъ, напротивъ, дорогая Глафира Антоновна!—кричалъ онъ, бережно держа въ рукахъ разбитые цимбалы:—сегодняшній сеансъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Смотрите, это-ли не матеріализація, полная матеріализація! Кули-Кунъ показываетъ чудеса! Спасибо, Кули-Кунъ! — крикнулъ онъ громко и радостно.

Терновъ въ изумленіи остался стоять съ открытымъ ртомъ, да и не онъ одинъ: даже Слоева и Глотовъ не ожидали такого оборота дѣла. Они переглянулись, и вдругъ ихъ поблѣднѣвшія, испуганныя лица озарились радостной улыбкою.

— Это непостижимо, непостижимо! — восторженно заговорилъ Глотовъ. — Генералъ, какъ вы хотите, но этотъ случай мы должны опубликовать въ «Ребусѣ». Помилуйте, настоящіе цимбалы! И въ доказательство полной матеріализаціи они, падая, *бьются!* Чего же еще?

— Да, чего же еще!—повторилъ Чибисовъ и съ энтузіазмомъ обратился къ Тернову:

— Ты видѣлъ, видѣлъ?.. Поди и разскажи своему доктору!... Да!...

— Я, дядя, видѣлъ ихъ и раньше,—началъ Терновъ, но Глотовъ тотчасъ перебилъ его:

— О, такіе же сотнями продаются въ лавкахъ! То-то и удивительно! Для того, чтобы достать ихъ, надо ѣхать въ городъ, привезти ихъ... И потомъ, они упали позади насъ всѣхъ, такъ неожиданно, внезапно, сверху...

— Ахъ, объ обманѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи,—нетерпѣливо перебилъ его Чибисовъ.—Лучше, правда, пойдемте и составимте протоколъ, да пошлемте въ «Ребусъ».

— Онъ надѣлаетъ шуму, генералъ, шуму!—подхватилъ Глотовъ.

— А меня прошу извинить,—сказала томно Слоева:—я такъ измучена!..

Чибисовъ встрепенулся.

— Помилуйте, дорогая! Послѣ такого подвига вы, я думаю, страшно изнурены. Идите, идите, отдыхайте Бога ради!

— А я-то удивлялся быстротѣ ея усыпленія сегодня!—сказалъ Глотовъ.

— И вообще все совершилось быстро! Пойдемте же!—и Чибисовъ направился къ двери, бережно неся передъ собою разбитые цимбалы, а слѣдомъ за нимъ пошелъ Глотовъ.

— Я думаю, вы остались довольны сегодняшнимъ сеансомъ?—съ торжествующей насмѣшкой спросила Тернова Слоева и поднялась со стула.

Терновъ улыбнулся и поклонился ей.

— Безконечно,—отвѣтилъ онъ,—потому что для моихъ сомнѣній не осталось мѣста!

Слоева злобно на него взглянула, пожала плечами и пошла къ дверямъ, сказавъ находу:

— Вы мнѣ оказали сегодня огромную услугу, и я рада, что разсѣяла ваши сомнѣнія!

— Я ничего не понимаю тутъ. Что случилось?—спросила Тернова съ удивленіемъ Женя, когда Слоева скрылась за дверью.

— Случилось то, что я остался въ дуракахъ!—со злобой отвѣтилъ Терновъ и разсказалъ Женѣ всю свою продѣлку съ цимбалами и колокольчикомъ.

Женя невольно улыбнулась.

— Не рой ямы другому!—сказала она, смѣясь.

— Нѣтъ, теперь конецъ! Теперь я выведу ихъ на свѣжую воду!—воскликнулъ Терновъ.

— Зачѣмъ?—испуганно спросила Женя.

— Чтобы кончить эту комедію!

— Вамъ-то что?

— Я не хочу, чтобы васъ грабили, кузина. Я хочу вашего спокойствія и счастья.

— Ахъ, я не жалуюсь!—отвѣтила она тихо.

— Но я вижу...—сказалъ Терновъ взволнованно.—И, наконецъ, я, я...

Онъ не рѣшился договорить своихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Женя осталась одна. Ея лицо сперва покрыла блѣдность, потомъ оно вспыхнуло яркимъ румянцемъ, и Женя прижала

руку къ взволновавшейся груди. Ей показалось, что она поняла недоговоренныя слова Тернова, и отъ этой мысли ей стало такъ весело, что она какъ дѣвочка вбѣжала въ столовую и звонко закричала:

— Глафира Антоновна, я буду за хозяйку, а вы отдохните!

Слоева подозрительно посмотрѣла на Женю, но на ея открытомъ, веселомъ лицѣ не увидала ничего злонамѣреннаго и смягченнымъ голосомъ отвѣтила:

— Благодарю васъ, Женя. Я сегодня дѣйствительно утомилась этимъ сеансомъ!..

IX.

Терновъ вошелъ въ свою комнату и озлобленный, и смущенный, и взволнованный.

Онъ закурилъ папиросу и сѣлъ на подоконникъ, устремивъ свой взглядъ въ непроглядную мглу сада.

— Баринъ, кушать пожалуйте! Ужинъ накрытъ! — пріотворивъ дверь, сказала въ комнату Пашка.

— Я спать ложусь, — отвѣтилъ Терновъ и снова обратилъ лицо свое въ садъ.

Ему казалось, что за минуту передъ этимъ, во время его разговора съ Женею, что-то произошло, и произошло столь важное и рѣшительное, что должно имѣть вліяніе на всю его жизнь. Но что? Онъ старался разобраться въ своихъ мысляхъ и въ то же время чувствовалъ, какъ въ его груди непонятною радостью бьется сердце, и что-то могучее, доброе, безконечно счастливое растетъ и заставляетъ биться его сердце все сильнѣе и сильнѣе.

— Я люблю ее! — вдругъ почти громко произнесъ онъ, и для него сразу стали ясны всѣ его поступки и цѣли этихъ поступковъ.

Ее нельзя было не полюбить, эту умную, кроткую, красивую дѣвушку. Ее нельзя было не пожалѣть, одинокую въ этой глуши, безъ друзей, безъ подругъ, безъ добраго руководителя. А пожалѣвъ и полюбивъ ее, нельзя было не возмутиться этими мошенниками, которые окружили ея отца, этимъ наглымъ обманомъ, которымъ они совершенно сбили умнаго старика съ толку, — очевидно, не безъ корыстныхъ цѣлей...

— Люблю, люблю! — повторялъ Терновъ время отъ времени и подымалъ глаза свои къ усѣянному звѣздами небу.

Яркія звѣзды словно подмигивали и улыбались ему. «Завтра же объяснюсь, завтра все скажу, что передумалъ и пусть она рѣшитъ», подумалъ онъ, словно отвѣчая звѣздамъ, и его сердце замерло отъ тревожнаго волненія.

Вдругъ ему послышался скрипъ песку подъ ногами. Онъ отшатнулся въ глубину комнаты. Шаги становились яснѣе, и почти подъ самымъ его окномъ раздался тихій голосъ:

— Да, этотъ мальчишка чуть не испортилъ всего дѣла.

— Но какъ неожиданно его продѣлка послужила намъ же на пользу. Вотъ старый дуракъ! Я чуть не умерла отъ смѣха! — донесся до слуха Тернова другой голосъ.

Терновъ вздрогнулъ отъ неожиданности, приникъ къ подоконнику и весь обратился въ слухъ. Для него было ясно, что разговаривающіе, — Глотовъ и Слоева.

— И чего этотъ мальчишка хочетъ? — сказалъ первый голосъ.

— Рыцарствуетъ, изобличить хочетъ, да и въ нашу королевну втюрился!

— Но онъ можетъ повредить намъ.

— Не бойся! Сегодня я ему послѣднюю угрозу послала, да и нашъ-то дуракъ съ этими цимбалами совсѣмъ спятилъ. Теперь изъ него хоть веревки вей!

— Ха, ха, ха! — засмѣялся Глотовъ. — Теперь не дремать, Граня, и дѣло наше! Куй скорѣе! Завтра мы его опять одурманимъ!

— Только не сеансъ, а то этотъ...

— И этому очки вотремъ! Слушай! Видишь-ли, я сегодня нечаянно перехватилъ письмо къ генералу... Пустое письмо, отъ Залихватова... Такъ я его осторожненько вскрылъ и списалъ, а тамъ запечаталъ...

— Ну?..

— Теперь я его утромъ раненько передамъ Пашкѣ, чтобы она генералу за чаемъ подала... Ты попроси его у генерала, приложи ко лбу, закрой глаза, да и прочитай, не вскрывая конверта...

— Какъ же это?

— Глупая, да я тебѣ дамъ съ него копію, что списалъ. Ты за ночь-то и выучи! Всего шесть строкъ!.. Пустяки!.. А онъ ободлѣетъ... Тогда дождемся минутки и на первомъ же сеансѣ...

— Понимаю...

— Возьми же, вотъ...

— А я на всякій случай генералу-то сегодня отъ Кули-Кунъ записку подложила.

— Съ чѣмъ?

— Чтобы онъ берегся племянника, не довѣрялъ.

— Понятно, нелишнее. Жаль, Граня, что ты чертовски безграмотно пишешь. Бочку черезъ ять валяешь...

— Ну, ужъ не учиться же мнѣ...

— Оно понятно...

— И потомъ, если я...

За скрипомъ песку Терновъ уже не могъ разобрать удалявшихся и стихавшихъ голосовъ.

Онъ выпрямился и не могъ сдержать торжествующей улыбки.

«Не пропустить-бы только,» — подумалъ онъ и собирался идти къ кровати, какъ вдругъ дверь въ его комнату отворилась, и въ нее неслышно скользнула босоногая Пашка.

Глаза Тернова привыкли къ темнотѣ, и онъ видѣлъ, какъ она осторожно кралась, ощупывая руками стѣну, къ его кровати. Терновъ въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ Пашки и схватилъ ее за плечи.

— Ай! — тихо вскрикнула Пашка.

— Не рвись, а не то закричу и потащу къ генералу! — сказалъ Терновъ. — Подавай записку!

Пашка послушно подала ему свернутую бумажку. Терновъ взялъ ее, не выпуская изъ руки плеча Пашки.

— И тебѣ не стыдно, — заговорилъ онъ, — за одно съ этой чертовкой дурачить барина? Эхъ ты, ворамъ помогаешь! Вѣдь, ты знаешь, разскажу я завтра все это генералу, и тебя, вмѣстѣ съ нею, въ острогъ упрячутъ!

— Баринъ, да што ты, да я... — пролепетала смущенная Пашка.

— Ты-то и есть. Тебя упрячутъ, а она выкрутится. Слушай, — прибавилъ Терновъ, — обѣлю я тебя передъ генераломъ и денегъ дамъ, только послушайся меня.

— Что же?

— Да вотъ... Разъ, — не говори ей, что я поймалъ тебя; скажи, что положила, если спроситъ. Два, — позоветъ тебя завтра генералъ, ты ему все по чистой совѣсти разскажи...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВЪ МОРСКИХЪ БЕЗДНАХЪ.

Повѣсть Г. Бланшера.

XIV.

Лихорадочная дѣятельность.

Отпустивъ капитана Диксона, Абрагамъ опять погрузился въ думы. Онъ находилъ, что для него мало этого грандіознаго предпріятія—уничтожить Панамскій перешеекъ, прорыть вмѣсто него каналъ, который будетъ называться или Панамскимъ, или, можетъ быть, получитъ его имя, Абрагама Энсона-Мура: онъ подумывалъ о другомъ грандіозномъ предпріятіи—о соединеніи, посредствомъ моста надъ проливомъ Па-де-Кале, Англіи съ Франціей и о томъ, что, въ виду этого проекта, необходимо увеличить свои матеріальныя средства новой экспедиціей—за алмазами, или, пожалуй, за тѣмъ же золотомъ, отъ котораго онъ недавно отказался...

Въ эти минуты пришелъ ему на память заливъ Виго, у западныхъ береговъ Испаніи, указанный также въ бумагахъ дѣда, какъ мѣсто храненія, на днѣ моря, несмѣтныхъ сокровищъ. Въ 1702 году здѣсь, въ этомъ заливѣ, происходило морское сраженіе между испанцами и англичанами; первые были въ союзѣ съ французами, вторые—съ голландцами. Въ Испанію направлялись въ это время изъ ея американскихъ колоній корабли съ золотомъ и серебромъ въ монетѣ и въ слиткахъ, на громадную сумму; но такъ какъ всѣ порты испанскіе находились тогда въ блокадѣ (по случаю такъ-называемой «войны за испанское наслѣдство»), то рѣшились препроводить добычу въ маленькій фортъ Виго, оставленный безъ вниманія англичанами и голландцами. Къ несчастью для испанцевъ, англичане узнали объ этомъ и, не давъ имъ времени выгрузить свои сокровища на сушу, напали на нихъ въ заливѣ Виго, въ виду форта... Битва была страшная и кончилась тѣмъ, что французскій адмиралъ Шато-Рено, отчаявшись въ спасеніи ввѣренныхъ ему кораблей и самаго себя, взорвалъ ихъ на воздухъ и погибъ вмѣстѣ съ ними... Всѣ испанско-французскія суда пошли ко дну, а вмѣстѣ съ ними и американскія сокровища!..

Вотъ именно въ этомъ мѣстѣ Абрагамъ и рѣшился попробовать новаго счастья, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ относительно береговъ Калифорніи...

На собственномъ фрегатѣ, великолѣпно устроенномъ и съ отборнымъ экипажемъ, онъ двинулся въ путь и черезъ 28 дней былъ на мѣстѣ...

Заливъ Виго представляется въ видѣ полукруга, окаймленнаго крутыми, обрывистыми берегами, и защищеннаго у входа нѣсколькими островками, которые, если-бы были снабжены батареями, сдѣлали-бы заливъ грознымъ и неприступнымъ военнымъ портомъ. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ, и все вокругъ имѣетъ мирный характеръ заброшеннаго, почти одичалаго уголка, цвѣтущаго вѣчной зеленью, живописнаго и поэтическаго...

Вокругъ стариннаго форта, находящагося теперь въ совершенномъ бездѣйствіи, раскинулся маленькій городокъ, носящій то же имя, жители котораго всегда съ живѣйшимъ любопытствомъ и даже радушно встрѣчаютъ иностранныхъ гостей,—до того ихъ жизнь скучна и монотонна!

Бѣдные аборигены отдаленнаго уголка огромной территоріи, они даже не подозрѣваютъ, что на днѣ ихъ родного залива скрыты громадныя сокровища, которыя въ состояніи были-бы сдѣлать милліонеромъ каждаго изъ нихъ, если-бы были извлечены ими изъ морской бездны!..

Но какъ извлечь ихъ, не будучи Фарагусами и Абрагамами Энсонами, которые одни только способны къ подобнымъ предпріятіямъ?..

Исполнивъ всѣ формальности, требуемыя морскимъ уставомъ отъ иностранныхъ судовъ, прибывающихъ издалека, и заявивъ, что онъ, Абрагамъ Энсонъ-Муръ, путешествуетъ для собственнаго удовольствія и развлеченія, изучая въ то же время, какъ натуралистъ, природу посѣщаемыхъ имъ мѣстностей, нашъ герой немедленно приступилъ къ дѣлу...

Бывалый «морской волкъ» капитанъ Диксонъ, который давно уже нашелъ опытныхъ инженеровъ для уничтоженія Панамскаго перешейка и далъ имъ въ руки дѣло, вернулся къ своему патрону, чтобы сопутствовать ему, въ качествѣ капитана его фрегата, въ этомъ новомъ и неизвѣданномъ имъ никогда предпріятіи,—онъ никогда не посѣщалъ морскихъ безднъ...

— Я полагаю, — спросилъ онъ своего патрона, — намъ предстоитъ работать по ночамъ?..

— Натурально!—отвѣтилъ тотъ.—Днемъ мы самые обыкновенные, безобидные путешественники по этимъ мирнымъ мѣстамъ, окружающимъ заливъ и городъ Виго, не забывайте этого! Мы ботанизируемъ, составляемъ различныя коллекціи и больше ничего не дѣлаемъ и не знаемъ!..

— Отлично! — одобрилъ капитанъ:—А ночью таскаемъ со дна моря золото, почти изъ-подъ носа у этихъ добродушныхъ галлеговъ!..

(Галлеги — жители испанской провинціи Галиціи, у береговъ которой лежитъ заливъ Виго).

— Да, золото,—согласился Абрагамъ,—о которомъ они ничего не знаютъ и не могутъ пользоваться имъ... А кто о немъ знаетъ и можетъ его взять, тотъ его и хозяинъ!..

— А удастся-ли намъ взять его?—усумнился капитанъ Диксонъ...

— Непремѣнно! Иначе быть не можетъ! Мой дѣдъ Фарагусъ Энсонъ недаромъ же указалъ, между прочимъ, и на заливъ Виго, и недаромъ же я предпринялъ эту экспедицію...

— Чудный человѣкъ былъ вашъ дѣдъ! И на сколько милліоновъ будетъ этого золота и серебра?..

— Болѣе, чѣмъ на 700 милліоновъ, по его разсчетамъ...

— Чортъ возьми! Ума помраченіе! Головокруженіе!—воскликнулъ, очарованный заранѣе, «морской волкъ»...

— Послушайте, капитанъ!—сказалъ ему, немного понизивъ голосъ, Абрагамъ.—Если вы вѣрно сослужите мнѣ эту службу,—милліонъ золотомъ изъ добычи будетъ вашъ...

— Вы не шутите, сэръ?..

— Нисколько! Вотъ вамъ моя рука!

— Честное слово, я готовъ съума сойти отъ вашего слишкомъ щедраго подарка! Урра, старый Фарагусъ! Урра, сэръ!

И капитанъ, въ азартѣ, такъ хватилъ кулакомъ по столу своей каюты, что доска стола дала трещину...

— Тише! — остерегъ его хозяинъ судна. — Не нужно, чтобы кто-нибудь зналъ объ этомъ, кромѣ насъ...

Съ первой же ночи начались работы на днѣ залива. Чтобы отвлечь вниманіе мѣстныхъ жителей отъ фрегата въ это время, огни на немъ были почти всѣ погашены, и на бортѣ, кромѣ обычной ночной стражи изъ нѣсколькихъ матросовъ, ни души не было видно... Но за то внутри судна шла дѣятельная работа, тщательно скрытая отъ постороннихъ глазъ...

Съ борта фрегата, обращеннаго не къ берегу, а къ морю, безшумно опускались на дно моря и выплывали на его поверхность желѣзныя корзины на желѣзныхъ цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ борту судна съ помощью особенныхъ машинъ, придуманныхъ Абрагамомъ для этихъ операцій... Десять человѣкъ матросовъ, съ Абрагамомъ и капитаномъ Диксономъ во главѣ, всѣ одѣтые въ костюмы, сдѣланные по образцу «подводнаго пловца Фарагуса», неутомимо работали на днѣ залива...

Что они увидѣли тамъ, опустившись туда въ первый разъ?..

Остовы кораблей старинной конструкціи, полуразвалившіеся, обглоданные, наполовину источенные безпощадной морской бездной! На первый взглядъ казалось, что нечего и требовать отъ этихъ несчастныхъ, жалкихъ остатковъ гордыхъ и величественныхъ когда-то судовъ; но болѣе внимательный взглядъ открывалъ между этими обломками кучи крѣпко обитыхъ желѣзомъ боченковъ, въ которыхъ, по вскрытіи, оказывалась золотая и серебряная монета, а также слитки золота и серебра...

Матросы, ошеломленные такой невиданной добычей, работали почти машинально,—и желѣзныя корзины едва успѣвали принимать въ себя сокровища и выгружать ихъ на палубу фрегата...

Такъ трудились шесть ночей сряду, пока послѣдній боченокъ былъ поднятъ со дна моря и опущенъ въ желѣзную корзину, увлекшую его вверхъ, на свѣтъ божій, вмѣстѣ съ другими его собратьями, спавшими въ морской безднѣ болѣе полутора столѣтія!..

Добычи оказалось на 705.489,000 долларовъ!..

Капитанъ Диксонъ получилъ свой милліонъ золотомъ, а каждый матросъ—по 10,000 долларовъ, и, на седьмой день по прибытіи въ заливъ Виго, фрегатъ «Фарагусъ» отплылъ въ обратный путь...

Добродушные галлеги такъ и не узнали ничего, не подозрѣвая, что почти изъ-подъ носу у нихъ янки утащили кучу сокровищъ, которыхъ они, по справедливости, были наслѣдниками!..

. . . .

Абрагамъ Энсонъ-Муръ былъ очень доволенъ своей испанской экспедиціей и уже на полдорогѣ въ Америку сказалъ однажды своему капитану:

— Теперь за другое дѣло: за устройство постояннаго моста между Англіей и Франціей, надъ проливомъ Па-де-Кале!

— Это будетъ *третье* дѣло!—поправилъ его капитанъ Диксонъ...

— По настоящему, это *четвертое*, если не считать неудачи у береговъ Калифорніи... Но дѣло идетъ не въ счетѣ, а въ самомъ дѣлѣ: я хочу дѣятельности, дѣятельности!...

— Слушаю-съ, сэръ! Я обязанъ вамъ повиноваться, но въ тоже время желалъ-бы посовѣтовать вамъ — отдохнуть немного...

— Я не нуждаюсь въ отдыхѣ! Я уже отдохнулъ! И чего же мы будемъ ждать?.. Чтобы братья Мэрфи предупредили насъ?..

— Вы думаете, что они также питаютъ этотъ замыселъ—перекинуть мостъ черезъ Па-де-Кале?—спросилъ капитанъ...

— Непремѣнно! Я почти убѣжденъ въ этомъ! Это вѣдь грандіозное предпріятіе, которымъ они жаждутъ прославиться, и для котораго достаточно у нихъ средствъ: они вѣдь богаче меня!..

— А вы? Развѣ вы не богаты?..

И капитанъ засмѣялся,—такъ показалась ему забавной зависть его патрона къ богатству братьевъ Мэрфи, о которыхъ онъ зналъ уже все, что нужно было, изъ разсказовъ Абрагама...

— Конечно, я тоже богатъ,—сказалъ онъ,—но не такъ, какъ они... Но главное тутъ то, что они могутъ предупредить меня, начавъ прежде меня постройку моста... Итакъ — къ дѣлу, къ дѣлу! Какъ пріѣдемъ домой и отдадимъ нашу добычу въ надежныя руки,—немедленно отправимся въ Па-де-Кале, дѣлать предварительныя изысканія!

— Слушаю-съ! Если ужъ на то пошло, такъ идетъ!

— Идетъ! Да здравствуетъ Америка! Она не позволитъ Англіи опередить себя! Не такъ-ли?..

— Совершенно вѣрно! Да здравствуетъ Америка! Къ дѣлу, если на то пошло!

— Къ дѣлу! Я вамъ опять отпущу денегъ на расходы и дамъ нужныя инструкціи, и вы отправитесь нанимать опытныхъ инженеровъ, какъ для прорытія Панамскаго перешейка!

— Слушаю-съ!

— Самъ же я поплыву къ берегамъ Англіи и Франціи на предварительныя развѣдки въ проливѣ, на днѣ моря... Сдѣлавъ свое дѣло, вы потомъ присоединитесь ко мнѣ...

— Слушаю-съ! Я весь къ вашимъ услугамъ, —тѣмъ болѣе, что я и обязанъ повиноваться вамъ!

— Хорошо! Надѣюсь на васъ! И...—*секретъ*, понимаете, *секретъ для всѣхъ*, кромѣ насъ съ вами, конечно до извѣстнаго времени!

— Понимаю-съ! Можете быть спокойны!

(Окончаніе въ слѣд. №).

ЗАТЕРЯННЫЕ ВЪ ОКЕАНѢ.

Романъ Луи Жакольо.

(Переводъ А. Лякидэ, автора книги «Въ океанѣ звѣздъ»).

(Продолженіе XIV главы.)

Послушай, Саранга! — отвѣтилъ ему «Парижанинъ». — Въ виду благополучнаго исхода нашей стычки съ этими чудовищами, которыя всѣмъ намъ грозили неминуемой смертью, ты-бы могъ, мнѣ кажется, пощадить этого бѣдняка?..

— Нѣтъ, господинъ!—возразилъ съ непреклонною рѣшимостью малаецъ.—Я далъ клятву богамъ, которую долженъ непремѣнно исполнить! Если-бы вы знали, господинъ, *все*, вы-бы не стали говорить за этого человѣка... Мертвые встанутъ изъ своихъ могилъ, если я забуду свою клятву!.. И, наконецъ, я не хочу самъ его казнить,—я желаю только отдать его на судъ въ руки вѣрныхъ, и тогда вы узнаете всѣ ужасныя преступленія, которыми онъ запятналъ себя, и изъ которыхъ одного уже достаточно, чтобы послать его на казнь...

— Ну, хорошо,—рѣшилъ, Ланжале,—успокойся! Я вовсе не имѣю намѣренія помочь этому человѣку уйти отъ правосудія людей той націи, къ которой онъ принадлежитъ...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ, вы откроете намъ тайный проходъ на островъ Іенъ, куда мы и войдемъ безъ всякаго страха и опасенія, такъ какъ съ нами будете вы, посланникъ боговъ, котораго вѣрные примутъ съ подобающими ему почестями!..

— Но послушай, Саранга, — возразилъ Ланжале, который чувствовалъ себя неловко отъ этой настойчивости малайца, увѣровавшаго въ него почти какъ въ божество, которому очень

легко творить чудеса,—послушай, я вовсе не въ состояніи сдѣлать то, чего ты требуешь отъ меня. Ты, мой бѣдный, приписываешь мнѣ могущество, котораго у меня нѣтъ!..

— О, господинъ, напрасно вы такъ говорите! — горячо возразилъ, въ свою очередь, малаецъ, съ оттѣнкомъ печали въ голосѣ по случаю отказа исполнить просьбу его.—Кто можетъ вызвать громъ и молнію на каймановъ, посвященныхъ богамъ, и заставить озеро волноваться отъ этого страшнаго удара, тотъ можетъ все сдѣлать, что захочетъ! Въ рукахъ у того вся власть, данная ему богами!..

— Да что это за секретный проходъ на островъ Іенъ?— вмѣшался Порникъ въ этотъ странный споръ...

— Это такое мѣсто, господинъ,—сталъ объяснять Саранга,—которое извѣстно только однимъ вѣрнымъ, то-есть жителямъ острова Іена, и которое они одни могутъ открывать желающему войти на островъ... Безъ ихъ содѣйствія нельзя его открыть никому, потому что никто не въ состояніи сдѣлать этого самъ, по своей волѣ, да и никому не найти этого входа; но кто избранъ богами, кому они дали власть дѣлать все,—тотъ, разумѣется, всегда можетъ открыть самъ этотъ входъ и провести черезъ него другихъ...

— Ты вѣдь проходилъ черезъ него, и притомъ, кажется, много разъ?—продолжалъ допрашивать командиръ китоловки...

— Проходилъ, господинъ, какъ же! Я сдѣлалъ сорокъ девять поѣздокъ на островъ Іенъ, при жизни покойнаго Кванга...

— Стало быть, ты долженъ знать, гдѣ этотъ входъ, и привести насъ къ нему; а разъ это будетъ сдѣлано,—мы и сами съумѣемъ пройти черезъ него...

— Но, господинъ, я не помню этого мѣста и не могу его найти!..

— Какъ такъ не помнишь?.. Это странно!..

— Ничего нѣтъ страннаго, господинъ, потому что боги не хотятъ, чтобы простые люди помнили эту тайну: послѣ каждой моей поѣздки на островъ я на другой же день забывалъ совершенно мѣсто, гдѣ находится секретный входъ на него...

— Какъ же ты находилъ его, приближаясь къ острову?.. Тебѣ кто-нибудь указывалъ его и открывалъ?..

— Это дѣлалось такъ: когда меня посылалъ господинъ Лао-Тсинъ на островъ Іенъ къ Квангу, который опредѣлилъ меня къ нему для этого только дѣла, то сначала черезъ тайныхъ гонцовъ спрашивался у Кванга пароль для прохода черезъ гроты Мары, безъ котораго никому не пробраться черезъ нихъ,—вы сами это видѣли господинъ... (Тутъ малаецъ нервно вздрогнулъ). И только по полученіи пароля я отправлялся въ путь съ данными мнѣ вѣстями для Кванга, и у входа въ гроты находилъ всегда высланныхъ мнѣ провожатыхъ, которые какъ защищали меня отъ акулъ, такъ равно и потомъ провожали до самаго входа на островъ, который мы находили уже открытымъ; для этого провожатые, вступивъ подъ гроты Мары, ударяли только въ гонгъ, прикрѣпленный къ одной изъ стѣнъ, давая тѣмъ сигналъ, что идутъ, и пора открыть входъ...

— Такъ мы можемъ вернуться къ этому мѣсту и ударить въ гонгъ, чтобы тамъ на островѣ, знали о насъ и открыли-бы входъ?..

— Нельзя, господинъ, не откроютъ,—пароля вѣдь мы не имѣемъ съ собою!

— А можетъ быть и откроютъ, и вышлютъ намъ провожатыхъ?..

— Ни въ какомъ случаѣ! Пароля нѣтъ, не посылали за нимъ тайныхъ гонцовъ,—такъ и пропуска нѣтъ ни на островъ, ни черезъ гроты Мары!..

— Почему эти гроты называются такъ?—полюбопытствовалъ Порникъ.—Что это за странное названіе?..

— Мара, господинъ, это былъ великій человѣкъ, любимецъ боговъ, — вотъ, какъ онъ! — указалъ Саранга на Ланжале...

— Ну, и что же онъ сдѣлалъ, этотъ Мара?...

— Это было очень давно, господинъ, и о немъ сохранилось только преданіе, которое разсказалъ мнѣ однажды мой отецъ... Прежде въ гротахъ этихъ не было ни одной акулы и ни одного каймана въ озерѣ, и всякій человѣкъ, имѣвшій какую-нибудь нужду въ помощи или въ правосудіи Кванга, могъ свободно входить къ нему на островъ Іенъ... Приближенные Кванга, увидѣвъ просителя на островѣ, немедленно препровождали его къ великому начальнику, который и оказывалъ ему милость... Но вотъ однажды, подъ видомъ скромнаго просителя, прокрался на островъ Іенъ одинъ измѣнникъ и бунтовщикъ, подобный вотъ ему (малаецъ кивнулъ въ сторону Ли-Ванга), и, будучи введенъ къ Квангу, бросился на него съ кинжаломъ и нанесъ ему опасную рану въ бокъ... Злодѣя тотчасъ же схватили, но въ ужасѣ увидѣли, что въ рукахъ у нихъ акула, а не человѣкъ,—акула, которая мгновенно выскользнула изъ рукъ и бросилась въ озеро, гдѣ и исчезла: правосудные боги превратили злодѣя въ акулу, за его преступленіе!.. На другой день послѣ этого явился къ раненому Квангу Мара, посланникъ боговъ, заживилъ его рану и возвѣстилъ волю боговъ, пожелавшихъ, чтобы съ тѣхъ поръ гроты и озеро наполнены были акулами — для защиты отъ измѣнниковъ и злодѣевъ великаго начальника... А чтобы эти чудовища не слишкомъ размножались, боги же велѣли въ отдѣльномъ водовмѣстилищѣ держать посвященныхъ имъ каймановъ, время отъ времени пуская ихъ въ озеро, для уничтоженія излишнихъ акулъ... Съ тѣхъ поръ гроты получили имя Мары и стали ужаснымъ мѣстомъ, черезъ которое никто, не зная пароля съ острова, не можетъ безнаказанно пройти... Такъ и слѣдуетъ,—для обузданія и наказанія злодѣевъ, замышляющихъ зло противъ великаго начальника великаго общества!..

— Гмъ! Странная легенда!—воскликнулъ Порникъ.—Не правда-ли, друзья?.. — обратился онъ къ Ланжале и Данэо, внимательно слушавшимъ разсказъ малайца.

XV

Порникъ недоволенъ восточными людьми. — Новое обращеніе къ „посланнику боговъ".—Древняя Ипоія, не думавшая умирать.—Генетическое число и удары въ гонгъ.—Шутки болѣе не дѣйствуютъ!—Не галлюцинація-ли?—Молодой Квангъ!

— Однако надо же какъ-нибудь выбраться отсюда,—сказалъ Порникъ послѣ небольшого молчанія, которое послѣдовало за разсказомъ малайца.—Ужъ эти мнѣ восточные люди, съ ихъ разными секретами! Глупая идея—заставлять людей пробираться черезъ ловушки да черезъ западни, въ родѣ вотъ этой!

— Не говорите такъ, господинъ!—возразилъ малаецъ съ серьезнымъ видомъ и понизивъ голосъ, какъ-бы боясь быть услышаннымъ кѣмъ-то.—Это дѣлается недаромъ: такимъ путемъ испытывается храбрость тѣхъ, которые желаютъ поступить въ ряды «Зондскихъ Тигровъ»...

— Хорошее испытаніе — среди полковъ этихъ акулъ и каймановъ, которымъ только несообразительность ихъ мѣшаетъ

опрокинуть любую лодку и разнести ее въ дребезги при первомъ ихъ взглядѣ на нее! Тутъ вѣрная гибель ожидаетъ человѣка и безъ всякаго испытанія!

— О, господинъ, — воскликнулъ малаецъ, — высланные провсдники защищаютъ вѣдь пассажировъ! У нихъ для этого есть съ собою оружіе!

— Что же это за оружіе?

— Топоры съ длинными рукоятками въ родѣ палокъ: отлично дѣйствуютъ! Я же вѣдь сорокъ девять поѣздокъ сдѣлалъ,—и ничего, остался цѣлъ!

— За то, я думаю, набрался страху на девяносто восемь лѣтъ! Чортъ возьми такія поѣздки!.. Однако, что же мы предпримемъ?..

И Порникъ посмотрѣлъ вопросительно на своихъ двухъ друзей и товарищей.

— Господинъ, все отъ васъ зависитъ! — обратился малаецъ снова къ Ланжале...

— Я ничего не могу сдѣлать тутъ, милѣйшій мой!—отозвался Ланжале. — Если ты не знаешь, гдѣ секретный проходъ на островъ, то какъ же я могу знать, никогда не бывавшій здѣсь?..

— Вамъ стоитъ только захотѣть, господинъ, и проходъ откроется передъ вами!

— Это любопытно! Какимъ это образомъ можетъ случиться?..

— Призовите боговъ на помощь, господинъ! Это самое важное! Потомъ скажите мнѣ, сколько нужно сдѣлать ударовъ въ гонгъ, — мы для этого вернемся къ нему, онъ недалеко отсюда,—и какое должно быть слово для свободнаго прохода на островъ... Вы увидите, господинъ, что боги придутъ къ вамъ на помощь, честью отвѣчаю вамъ!

Ланжале снисходительно улыбнулся и пожалъ плечами...

— Хорошо, добрѣйшій Саранга, пусть будетъ по твоему!— рѣшилъ Ланжале.—Веди насъ къ гонгу!

Саранга съ радостью сталъ на носу китоловки, указывая руками дорогу къ гонгу, по которой «Парижанинъ» и направилъ судно. Черезъ десять минутъ оно вошло подъ своды одного изъ гротовъ, оказавшагося просторнѣе другихъ, такъ что вода далеко не доходила до самыхъ его сводовъ, и, по сигналу малайца, остановилось у лѣвой стѣны, къ которой прикрѣпленъ былъ огромный мѣдный гонгъ съ такимъ же биломъ, висѣвшимъ подъ нимъ на желѣзной цѣпи... Саранга взялъ въ руки било и сталъ выжидательно, съ благоговѣніемъ смотрѣть на того, кого онъ считалъ «посланникомъ боговъ»...

Но этотъ послѣдній, не думая о роли, приписываемой ему, обратился къ своимъ товарищамъ съ юмористическимъ воззваніемъ:

— Вниманіе, господа: древняя Пиѳія, которая и не думала умирать, желаетъ намъ помочь и начинаетъ свои прорицанія! Я не буду спрашивать у почтеннѣйшей публики ни платковъ, ни перчатокъ, которыхъ, пожалуй, и не найдется у нея, и которыя всегда нужны бываютъ господамъ, дающимъ свои представленія на Монмартрѣ въ Парижѣ: скажу только, что мы и безъ нихъ обойдемся, и вы сейчасъ увидите то, что слѣдуетъ вамъ увидѣть...

Улыбки показались на лицахъ слушателей, за исключеніемъ Саранги и несчастнаго китайца, которому, конечно, было не до смѣха; Саранга же слушалъ это воззваніе чрезвычайно серьезно и сосредоточенно, принимая его за обращеніе къ домашнимъ геніямъ, покровителямъ «пророка»... Стоя съ биломъ въ рукахъ, онъ ожидалъ только сигнала, глубоко убѣжденный, что секретный проходъ на островъ непремѣнно откроется передъ ними по волѣ боговъ, которые внемлютъ, безъ сомнѣнія, молитвамъ ихъ любимца...

«Парижанинъ» продолжалъ:

— Именемъ Великаго Будды, который все видитъ, все знаетъ и все можетъ сдѣлать, который обитаетъ вездѣ, призываю добрыхъ духовъ и прошу ихъ помочь мнѣ! Слово для свободнаго прохода на островъ Іенъ да будетъ *Фо*, имя славнаго Кванга, отошедшаго въ вѣчность, и такъ какъ это слово состоитъ изъ двухъ буквъ, числа генетическаго, то, помноженное само на себя, оно дастъ новое число, *четыре*. Значитъ, число ударовъ въ гонгъ должно быть четыре, и за каждыми двумя ударами должно по одному разу произносить «Фо»... Итакъ, господа, вниманіе,—которое, впрочемъ, не стоитъ вамъ ни гроша мѣднаго, такъ какъ за представленіе вѣдь вы ровно ничего не платите!.. А въ ожиданіи чудесъ налей-ка мнѣ, душа-Порникъ, стаканчикъ чего-нибудь хорошаго, потому что я, кажется, заслужилъ уже эту порцію...

Порникъ поспѣшилъ исполнить просьбу друга и, подавая ему стаканчикъ, сказалъ ему со смѣхомъ, вполголоса:

— Ахъ, шутъ тебя возьми, красно ты говоришь! А между тѣмъ малаецъ вѣдь не шутитъ, посмотри-ка на него!..

Малаецъ, болѣе серьезный, чѣмъ когда-либо, съ благоговѣйнымъ видомъ поставилъ правую ногу на бортъ китоловки и, размахнувшись, ударилъ биломъ въ гонгъ, послѣ чего остановился на нѣсколько секундъ, какъ предписывалъ, вѣроятно, обычай при подобной церемоніи...

Ударъ въ гонгъ прозвучалъ торжественно и мрачно подъ сводами грота, и эхо разнесло его по окрестностямъ озера, повторяя всюду по нѣскольку разъ...

Какъ-бы ни была проста вещь, но если ей приписывается нѣчто таинственное, она получаетъ вдругъ способность возбуждать вниманіе къ себѣ окружающихъ людей и ожиданіе чего-то особеннаго... Саранга, дѣйствовавшій съ такимъ убѣжденіемъ и чрезвычайно серьезно, обратилъ на себя вниманіе всѣхъ и до того сосредоточилъ его на себѣ и на своихъ дѣйствіяхъ, что даже Ланжале забылъ о стаканчикѣ, поднесенномъ ему Порникомъ...

Спустя нѣсколько секундъ, малаецъ опять размахнулся и опять ударилъ въ гонгъ, и когда звукъ втораго удара замеръ наконецъ въ отдаленіи, повторенный эхомъ,—громко и протяжно крикнулъ:

— Фо-о-о!

Затѣмъ послѣдовали два другіе удара въ гонгъ, раздѣленные должными промежутками, дававшими возможность эху повторять ихъ по нѣскольку разъ, и вторично раздался громкій и торжественный возгласъ:

— Фо-о-о!

Величавая серьезность и торжественность, съ которыми дѣйствовалъ Саранга, звуки гонга, которые, глухо и мрачно раздаваясь по гротамъ, походили на ревъ какого-то чудовища, заключеннаго въ нихъ,—все это напоминало сцену первобытныхъ временъ, когда люди не имѣли еще храмовъ для своихъ божествъ, а довольствовались то пещерами, вырытыми рукою природы, то мрачными ущельями и разсѣлинами въ горахъ, гдѣ совершали свои религіозные обряды, посылая воззванія къ духамъ и высшимъ существамъ...

Какое-то сильное волненіе овладѣвало постепенно всѣми, и дѣло, начавшееся шутками, приняло колоритъ какого-то дѣйствія, заключавшаго въ себѣ нѣчто глубокое, торжественное, почти религіозное... Всѣ молчали, какъ-бы погруженные въ воду или въ гипнотическое онѣмѣніе... И когда Ланжале, очнувшись первый отъ этого страннаго состоянія, началъ-было опять шутить, комически возглашая:

— И такъ, месье и медамъ, четыре удара уже сдѣлано, и теперь смотрите на занавѣсъ! Входите, почтеннѣйшіе господа и госпожи! Пьеса, которую мы имѣемъ честь сію минуту предложить вашему вниманію, уже начинается!...

Его шутки упали на всѣхъ какъ куски непрошеннаго льда или хлопья снѣга на картину роскошнаго лѣтняго дня,— такъ онѣ показались всѣмъ и неумѣстными, и не ожиданными! Онъ долженъ былъ тотчасъ же замолчать, такъ какъ понялъ, что шутки уже болѣе не дѣйствуютъ,—никто и взгляда не кинулъ въ его сторону... И вдругъ всѣ, крайне изумленные и спрашивая себя, не галлюцинація-ли это, не сонъ-ли какой, увидѣли невдалекѣ отъ себя нѣчто необычайное, никогда небывалое...

Группа скалъ въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нихъ, на берегу озера, какъ-бы пошатнулась въ своемъ основаніи... Да полно, не сонъ-ли это въ самомъ дѣлѣ?.. Нѣтъ, не сонъ, никто не спитъ! Скалы не только пошевелились, но и тихо раздвигаются, направо и налѣво, образуя проходъ все ниже и ниже и какъ-бы приглашая китоловку войти въ него... Крайнее изумленіе, почти граничившее съ испугомъ, овладѣло всѣми, и когда Саранга крикнулъ, было, торжествуя свою побѣду, онъ мгновенно замолчалъ, ошеломленный тѣмъ, что представилось въ эту минуту его взорамъ и взорамъ всѣхъ, бывшихъ съ нимъ...

Въ открывшемся проходѣ вдругъ показался Бартэсъ, молодой Квангъ, на великолѣпной шлюпкѣ, въ костюмѣ своего высокаго званія; по правую сторону его стояли три члена верховнаго совѣта—Ліу, Кіангъ и Чангъ, а по лѣвую—банкиръ Лао-Тсинъ и Гастонъ де-ля-Жонкьеръ, его искренній и вѣрнѣйшій другъ...

И когда нѣмое изумленіе уступило наконецъ мѣсто живѣйшему восторгу и радости, вылившимся въ дружномъ крикѣ «ура!»—Бартэсъ сказалъ громкимъ и ласковымъ голосомъ:

— Добро пожаловать, друзья мои, на островъ Іенъ! Вы будете достойно награждены за вашу храбрость и преданность, а измѣнники, которыхъ часъ пробилъ, достойно будутъ наказаны!

— Я пропалъ!—пробормоталъ Ли-Вангъ и почти безъ чувствъ свалился на палубу китоловки...

(Окончаніе слѣдуетъ).

СО ВСѢХЪ КОНЦОВЪ СВѢТА.

Народная легенда.—Въ газетахъ разсказывается слѣдующая оригинальная легенда, распространенная между крестьянами нижняго Поволжья. Однажды, осенью, два брата пахали въ полѣ. Вдругъ изъ воды полузасохшаго озера, находившагося по близости, вышелъ какой-то голый человѣкъ и прямо направился къ братьямъ, которые сидѣли въ это время за обѣдомъ. Тѣ страшно перепугались, однако приняли незваннаго гостя, какъ слѣдуетъ. Послѣдній сталъ просить какой-нибудь одежды. Но такъ какъ братья пахали и сами были еле прикрыты, то и отказали ему, посовѣтовавъ завернуться въ пологъ. Голый гость послушался, закрылся пологомъ и залегъ въ колоду, въ которой давали кормъ лошадямъ. Только что онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ изъ того же озера вышелъ новый человѣкъ, тоже голый, но обросшій длинными волосами. Онъ подошелъ къ пахарямъ, поздоровался и прямо спросилъ, не видали-ли тѣ голаго человѣка. Тѣ сначала было стали отнѣкиваться, потомъ, рѣшившись отступиться, указали глазами на колоду. Волосатый съ бѣшенствомъ набросился тогда на голаго, распоролъ ему животъ и сталъ выматывать кишки, а самъ приговаривалъ: «Я тебя ищу уже 6 лѣтъ, теперь ты не уйдешь отъ меня, теперь ты не будешь больше дѣлать неурожая». Интересно знать, откуда началась эта любопытная легенда.

Семь чудесъ Кореи.—Въ одной китайской газетѣ описываются слѣдующія семь чудесъ Кореи. Во-1-хъ, вблизи г. Кинъ-Шантао находится горячій минеральный источникъ, будто-бы излѣчивающій рѣшительно всѣ недуги. Второе чудо—это два родника, обладающихъ діаметральными противоположностями: они текутъ въ противоположномъ направленіи; въ одномъ изъ нихъ вода горькая, въ другомъ сладкая; когда первый полонъ воды, во второмъ ни капли нѣтъ, и наоборотъ. Третьимъ чудомъ считается сосновый боръ, деревья котораго обладаютъ способностью давать поросль отъ корней (sic!). Четвертое чудо—холодная пещера, гдѣ дуетъ буквально сшибающій съ ногъ ледяной вѣтеръ. Пятое чудо — огромная скала, почти висящая въ воздухѣ и едва опирающаяся на землю. Шестое чудо— вѣчно раскаленный камень, лежащій съ незапамятныхъ временъ на одномъ холмѣ. Наконецъ, седьмымъ, главнымъ чудомъ является капля пота, упавшая съ лица Будды. Нынѣ она сохраняется въ обширномъ храмѣ, поражающемъ своими пустынными окрестностями: здѣсь ни трава не ростетъ, ни цвѣты не распускаются, ни звѣрей не водится.

Изъ китайскихъ нравовъ.—Насколько высоко уважается въ Китаѣ земледѣліе, видно изъ того, что самъ Сынъ Неба (императоръ) разъ въ годъ долженъ пройти за плугомъ. По словамъ шанхайской газеты «Нарао», церемонія царственнаго паханья совершалась нынче слѣдующимъ образомъ: «Рано утромъ, съ первыми лучами солнца, императоръ, въ сопровожденіи блестящей свиты, выѣхалъ изъ дворца. По дорогѣ онъ зашелъ въ пагоду божества—покровителя земледѣлія и принесъ тамъ жертву. Затѣмъ вся процессія направилась по великолѣпно украшеннымъ улицамъ въ поле, обнесенное рѣшеткой. Здѣсь, посреди поля, дожидались уже придворные съ флагами въ рукахъ, и около рѣшетки стояли сѣдовласые земледѣльцы, изъ которыхъ каждый держалъ въ рукахъ кое-какое орудіе земледѣльца. Тутъ же находился запряженный въ плугъ быкъ, прикрытый попоною императорскаго желтаго цвѣта. Вступивъ въ поле, императоръ взялся лѣвою рукою за ручку плуга, а правою взялъ кнутъ и двинулся впередъ. Вслѣдъ за нимъ пошли члены императорской фамиліи, разбрасывая сѣмена и заборанивая ихъ. Между тѣмъ царственный пахарь обошелъ съ плугомъ кругомъ всего поля, возвратился на то мѣсто, съ котораго началъ пахать, и здѣсь передалъ плугъ одному изъ принцевъ. Тотъ, проведя нѣсколько бороздъ, передалъ плугъ другому,—и такъ трое принцевъ и девять высшихъ сановниковъ государства поочередно прошли за плугомъ. Только послѣ этого императоръ возвратился въ свой дворецъ.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ И РЕЦЕПТЫ.

Пудра.—Берутъ нѣкоторое количество самаго чистаго и самаго лучшаго риса, хорошенько вывариваютъ его въ 2—3 водахъ, затѣмъ высушиваютъ и растираютъ въ пылеобразный порошокъ. Послѣдній потомъ вспрыскивается розовымъ или какимъ-нибудь другимъ, смотря по вкусу, ароматическимъ масломъ,—и пудра готова.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Какъ сберегать на зиму свѣжую капусту.—Въ невысокіе длинные ящики насыпаютъ песку и земли, взятыхъ поровну, и, вырывъ съ корнемъ качаны капусты, разсаживаютъ ихъ здѣсь такъ, чтобы одинъ другого не касался. Если будетъ замѣчено, что верхніе листья стали вянуть, то необходимо спрыснуть капусту комнатной водой. Говорятъ, что такимъ способомъ капуста очень долго сохраняется въ свѣжемъ видѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г-ну Шемановскому.—Глицерину нужно взять 2 фунта, на 1 ф. желатины и 1 ф. кипящей воды.

Г-ну Станицкому.—Обратитесь въ магазины: *Р. Нипне* (СПБ, Демидовъ пер., № 2) и *Б. Рихтера* (СПБ., Невскій, 1) съ просьбою выслать вамъ каталоги микроскоповъ. Тогда вы сами выберете себѣ по средствамъ. Каталоги высылаются за 1—2 семикопѣечныхъ марки.

Г-ну В. Нѣмецъ.—Вполнѣ подходящимъ для васъ руководствомъ по ботаникѣ будетъ: «Краткій учебникъ ботаники» проф. И. Бородина; цѣна его 1 р. 50 к. Что касается до опредѣлителя растеній, то лучшее руководство для юга Россіи, это—«Флора» И. Шмальгаузена. Цѣна 5 руб. Впрочемъ, думаемъ, что для васъ достаточно будетъ и «Руководства» *А. Петунникова.* Цѣна 2 р. 50 к.—По фотографіи купите книжку *И. Карпова.* Цѣна 2 р.

Подписчику № 5145.—Редакція проситъ съ требованіемъ обратиться въ Главный Штабъ.

За строку петита въ формате трехъ столбцевъ журнала 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За разсылку объявленій при журнале за лотъ по 5 руб. за тысячу.

Роскошный подарокъ къ праздникамъ

ВЪ НЕВѢДОМЫХЪ МІРАХЪ

Астрономическій романъ русскаго ученаго,

въ художественно-исполненной Н. Н. Каразинымъ обложкѣ, до 300 иллюстрацій, въ 2-хъ томахъ. Цѣна въ обложкѣ 4 руб., въ папкѣ 5 руб.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ
432 стр. съ 145 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к.

ВОКРУГЪ СОЛНЦА
338 стр. съ 150 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 50 к.

Во всѣхъ книжн. магазинахъ СПБ.; иногородніе, выписывающіе отъ издателя П. П. Сойкина. (СПБ., Стремянная, № 12), за пересылку не платятъ.

Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ

ПО МАТЕМАТИКѢ,

служившихъ темами на испытаніяхъ зрѣлости, во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи, **съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ.** Выпускъ I Ариѳметика. Выпускъ II Алгебра. Вып. III Геометрія. Вып. IV Тригонометрія. Составилъ Д. Агаповъ. Цѣна каждаго вып. 65 коп., съ перес. 80.

Новая брошюра:

Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ.

А. Бенціула.

Съ 22 рисунками. Переводъ А. Ѳедорова. Изд. журнала Вѣст. Восп. Ц. 25 к.

Пост. въ продажу новое изд. **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ПРЕСТУПНАЯ ТОЛПА.

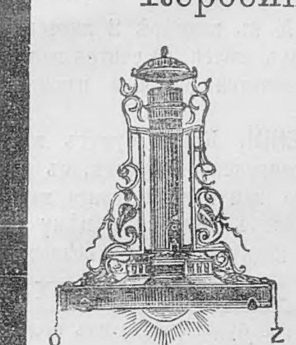
Опытъ коллективной психологіи. **С. СИГЕЛЕ.** Переводъ **А. Афанасьева.** 116 стр. Цѣна **30** к.

Карманные часы

только **4** р. **50** к.

Никелевые, вѣрнѣйшій ходъ, заводятся безъ ключа и указатель секундъ. 3 штуки часовъ 12 р. 75 к. 5 штукъ 20 р. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, Невскій, 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній и подарковъ за 10 коп. марку. **Высылаются немедленно**, можно и наложеннымъ платежемъ.

Керосиновая лампа „ЭЛЕКТРА“

является послѣднимъ усовершенствованіемъ въ области освѣщенія. Красота ея свѣта (**не отличимаго отъ электрическаго**), сила его, изящный видъ самой лампы, простота ухода за ней, дешевизна содержанія, дѣйствительная крайняя практичность — все вмѣстѣ гарантируетъ ей тотъ прекрасный, съ каждымъ днемъ увеличивающійся сбытъ, который является лучшимъ доказательствомъ ея дѣйствительныхъ, громадныхъ достоинствъ. **Исключительная продажа лампъ «ЭЛЕКТРА» въ Конторѣ и Складѣ О. Г. Эттингера, Варшава, Св. Креста, 32.**

Прейсъ-куранты высылаются за 7 коп. марку.

Настоящія лампы «ЭЛЕКТРА» имѣютъ надпись «О. Г. Эттингеръ», Варшава.

Рулетка въ Монако.— Золото и руки въ Монте-Карло.

Новая книга, 2-ое изданіе:

РУЛЕТКА ВЪ МОНАКО.

Хроника преступленій и самоубійствъ, совершенныхъ въ игорномъ домѣ Монте-Карло. Соч. М. де-Веза, редактора «Curiosite», съ примѣч. и дополн. переводчика.

Содержаніе: I. Основаніе игорнаго дома. Жадность Князя Карла III.—II. Развитіе дѣла. Вымогательство Князя. Горничныя въ М.-Карло. Смерть основателя игры. Касса ссудъ.—III. Защитники Рулетки Профессора и усыновители сиротъ. Подкупленныя газеты. Завлекатели. Нѣмецкіе эрцгерцоги и африканскіе принцы. Сомнамбула, самыя ясновидящія. Дурацкія объявленія.—IV. Злодѣянія, кражи и скандалы. Академія шулерства.—V. Перечень самоубійствъ за 1873—80 г.—VI. Самоубійства 1881—91 г.—VII. Грабежи въ Монако. Насилія надъ игроками. Письмо обокраденнаго англичанина. Неудачное самоубійство. — VIII. Можно-ли выиграть въ М.-Карло и какимъ образомъ. Попытки поджоговъ. Суевѣріе игроковъ. Іезуиты въ Монако. Доходы Рулетки. Неудачныя попытки закрыть игру.—218 стр. Цѣна 85 коп.

I-ое изданіе этой книги разошлось въ 5 мѣсяцевъ и удостоилось лестныхъ отзывовъ въ 26 органахъ нашей прессы.

Книга продается въ главныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.—Выписывающіе изъ склада изданія (по адр.: в г. Двинскъ. А. П. Данаеву), **за пересылку не платятъ и могутъ выписывать за почт. марки** (на 85 коп.), **или съ наложеннымъ платежомъ** (на 10 к. дороже).

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. Павленкова.**

ДОЛОЙ ОРУЖІЕ!

Анти-военный романъ **Б. Зуттнеръ.**

Переводъ съ нѣмецкаго. Компактное изданіе въ 2 столбца. Цѣна **80** коп.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **Ф. Павленкова.**

5-й томъ „СОЧИНЕНІЙ ДИККЕНСА“ (полное собраніе).

Въ этомъ томѣ помѣщены романы: «Нашъ общій другъ» и «Оливеръ Твистъ».
Содержаніе предыдущихъ томовъ: 1-й—«Давидъ Копперфильдъ», 2-й—«Домби и Сынъ», 3-й—«Холодный домъ» и «Повѣсть о двухъ городахъ», 4-й—«Крошка Доррить» и «Большія ожиданія», 6-й томъ («Записки Пиквикскаго клуба» и «Николай Никльби»)—печатается.
Цѣна каждаго тома **1** р. **50** к.

«Польза и развлеченіе» — таковъ девизъ нашего изданія.

V годъ изд. **Открыта подписка на 1894 годъ** изд. годъ V

„ПРИРОДА и ЛЮДИ"

популярно-научный иллюстрированный еженедѣльный журналъ
ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И САМООБРАЗОВАНІЯ.

(Подписной годъ **съ 1 ноября 1893** по 1 ноября 1894 г.)

Въ наступающемъ году журналъ **«ПРИРОДА И ЛЮДИ»** сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшія себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и разсказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по разнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ **1894** подписномъ году журналъ **«ПРИРОДА И ЛЮДИ»** дастъ своимъ подписчикамъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА. Каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не считая мелкихъ, и 6—10 художественныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ по истеченіи года составится большой изящный томъ, содержащій болѣе 800 стран. и украшенный до 500 рисунковъ.

12 КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ. Книги будутъ выходить ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ 120 до **160** стран. каждая, на хорошей глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями. Въ нихъ будутъ помѣщены избранныя сочиненія популярно-научнаго или практическаго характера. Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ въ нѣсколько разъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ **«ПРИРОДА И ЛЮДИ»**, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ издатель имѣетъ возможность дать

безплатно

столь цѣнное приложеніе, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ:

Полезная библіотека.

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «Полезной библіотеки»:

1) **Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ** — Г. Парвиля. Перев. А. Лякидэ, подъ редакціею проф. *С. Глазенапа.*
2) **Научныя развлеченія** — д-ра *В. Буринскаго.*
3) **Подъ водою** — Л. Фигье. Перев. подъ редакціею и съ дополненіями *П. Лебедева.*
4) **Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ** — проф. Ф. Эсмарха. Пер. подъ ред. д-ра *С. Груздева.*
5) **Первые обитатели Москвы** — большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка *Г. Полозова.*
6) **Самоучитель фотографіи** — Ф. Дилайе. Перев. подъ редакц. *Е. Буринскаго.*
7) **Рыболовъ-любитель** — *Ѳ. Пескова.*
8) **Пять внѣшнихъ чувствъ** — Л. Фигье. Перев. подъ ред. д-ра *Ю. Малиса.*
9) **Электричество въ домашнемъ быту** — *В. Тюрина.*
10) **Жизнь земли** (Популярная геологія) — профессора *Ф. Пуше.*
11) **Домашній обиходъ** (Сборникъ полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства) — *Ф. Груздева.*
12) **Чудеса гипнотизма** — д-ра *Ю. Малиса.*

ВЪ №№ ЖУРНАЛА ВЪ НАСТУПАЮЩЕМЪ ГОДУ БУДУТЪ НАПЕЧАТАНЫ: **«Храмъ науки»** — большой романъ изъ университетской жизни *I. Ясинскаго;* **«Новая жизнь»** — большой романъ изъ области будущаго *А. Лемана;* **«Аріасвати»** — фантастическій романъ *Н. Соколова;* **«Черная душа»** (исторія одного пограничнаго разбойника) — разсказъ *Ѳ. Тютчева;* **«Мститель»** (изъ жизни нашихъ средне-азіатскихъ окраинъ) — разсказъ *В. Губаревичъ;* **«Морфинистка»** — разсказъ *А. Зарина;* **«Мірскія диковинки»** — рядъ разсказовъ *В. Желиховской;* **«Лиллипуты»** (тайны микроскопическаго міра) — научный романъ *А. Бленара;* разсказы проф. *Н. Вагнера, Н. Каразина* и *Д. Мамина-Сибиряка;* **«Жертвы моря»** (разсказы изъ исторіи крушеній судовъ нашего военнаго флота) — *Моряка* (псевд.); **«Тайны алхиміи»** — очерки *Н. Павловича;* **«Письма изъ Африки»** — *Г. Сенкевича;* **«Страна чудесъ»** и **«Въ царствѣ рулетки»** — разсказы изъ путешествій *С. Дмитревскаго;* **«Лазуревый гротъ»** — очеркъ *С. Донскаго;* **«Орочони»** (вымирающее племя) — этнографическій очеркъ *А. Максимова;* **«Изъ песковъ Судана»** — очерки послѣдняго путешествія д-ра *А. Елисѣева;* **«Очерки изъ путешествія по Абиссиніи»** — извѣстнаго путешественника *В. Машкова;* **«Семь церквей Апокалипсиса»** — *В. Желиховской;* **«Столицы міра»** — разсказы *С. Донскаго;* **«Плеяды»** и **«Сатурнъ, его кольца и спутники»** — очерки проф. *С. Глазенапа;* **«Друзья человѣка»** — большой очеркъ д-ра зоологіи *А. Никольскаго;* **«Ящерицы, плачущія кровавыми слезами»** — *В. Максимова;* **«Чтеніе мыслей»** — *П. Соловьева;* **«Воля»** — *П. Успенскаго;* **«Черезъ сто лѣтъ»** — очерки *В. Битнера;* **«Живая машина»** — очеркъ *I. Ясинскаго;* рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ; очерки изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метеорологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, химіи, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу **«Наука и забава»**, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; полезные совѣты и рецепты; фокусы и забавы и пр., и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ «ПРИРОДА И ЛЮДИ» СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 12 КНИГЪ «ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ»:

Безъ доставки **4** рубля, съ доставкою и пересылкой **5** руб., заграницу 8 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля 1 руб. и къ 1 мая остальныя.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ въ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями, — 4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежемъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ПРИРОДА И ЛЮДИ», С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, №12.

Редакторъ *С. Груздевъ.* — Издатель *П. Сойкинъ.*

«Журналъ для всѣхъ и обо всемъ».

Подобнаго содержанія не имѣетъ ни одинъ изъ русскихъ журналовъ, за исключеніемъ нашего.

Такое содержаніе дѣлаетъ наше изданіе единственнымъ въ русской печати.

Редакторъ С. Груздевъ. Издатель П. Сойкинъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Октября 1893 года. Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, д. № 12.